

17 (30) марта

Священномученик
Виктор Киранов

Священномученик Виктор родился 8 марта 1881 года в селе Мануиловка Бердянского уезда Таврической губернии в семье священника Михаила Киранова; его предки были болгарами, спасаясь от турок, они приехали в Россию в 1830 году. Родоначальник семьи Кирановых, священник Протасий, скончавшийся в 1773 году в Турции и много претерпевший от гонителей-турок, завещал своим сыновьям, чтобы они, несмотря на тяжелое положение православных в Болгарии, не уклонялись от священства, если будут призываемы к рукоположению. Виктор Михайлович окончил Таврическую Духовную семинарию и в 1903 году, избрав светскую карьеру, поступил в Юрьевский университет, однако через год все же оставил университет и по назначению епископа Таврического Николая (Зиорова) стал служить псаломщиком в Свято-Троицком храме в селе Новопрокофьевка Бердянского уезда. Виктор Михайлович женился на девице Антонине, выпускнице Симферопольского женского духовного училища, дочери священника Петра Троицкого.

Священник Виктор Киранов

30 октября 1905 года епископ Таврический Алексей (Молчанов) рукоположил Виктора Михайловича во священника к Покровской церкви села Большая Благовещенка Днепровского уезда. В 1906 году отец Виктор был назначен законоучителем в Нововасильевскую земскую школу. В начале двадцатых годов он был возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем

Вознесенского собора в Бердянске, а после его закрытия в 1928 году – настоятелем Покровской церкви и благочинным Бердянского округа. Покровская церковь в те годы была единственной в городе, и протоиерей Виктор дал в ней приют всем тем священникам, которые остались без приходов, но хотели служить Господу. Он завел кассу для поддержки малоимущего духовенства, откуда регулярно выдавались небольшие суммы денег, что спасало от голода семьи преследуемого духовенства.

Несколько раз в Бердянск приезжал архиепископ Днепропетровский Георгий (Делиев), к которому и отец Виктор ездил с докладами по делам благочиния. В 1936 году архиепископ Георгий был арестован и по малодушию оговорил братьев-епископов и подчиненное ему духовенство, показав о протоиерее Викторе и других священниках Бердянска, что все они были им завербованы во время «архиерейских поездок для шпионской и диверсионной работы».

В 1936 году над Покровским храмом нависла угроза закрытия – власти собирались его разрушить, чтобы из кирпича сложить здание школы. Священники, здесь служившие, – протоиереи Виктор Киранов и Михаил Богословский и священник Александр Ильенков, – решили по возможности воспротивиться этому. Обойдя дома верующих, они пригласили их на приходское собрание. Собрание состоялось после Божественной литургии 8 января 1937 года, и пришло на него едва ли не четыре тысячи человек. С протестами против закрытия выступили многие прихожане храма, и один из них сказал: «Советская власть забирает нашу последнюю отраду, нам нужно крепко стоять перед этой властью... Если советской власти надо строить школу, то мы соберем деньги на камень и сдадим...» Присутствующие единодушно поддержали оратора и стали выкрикивать: «Не дадим закрыть церковь!» А выступающий продолжил: «Где тот кирпич из уже разрушенных церквей? Почему из него не построена ни одна школа?.. Миряне, наши сердца уже двадцать лет обливаются кровью...» Зайдя после речи в алтарь, оратор подошел к отцу Виктору, и тот сердечно поблагодарил его за пламенную речь в защиту церкви.

Выступления верующих в защиту храма не помогли – он вскоре после собрания был закрыт, а некоторое время спустя, летом 1937 года, священники Покровской церкви были арестованы и заключены в тюрьму в Бердянске.

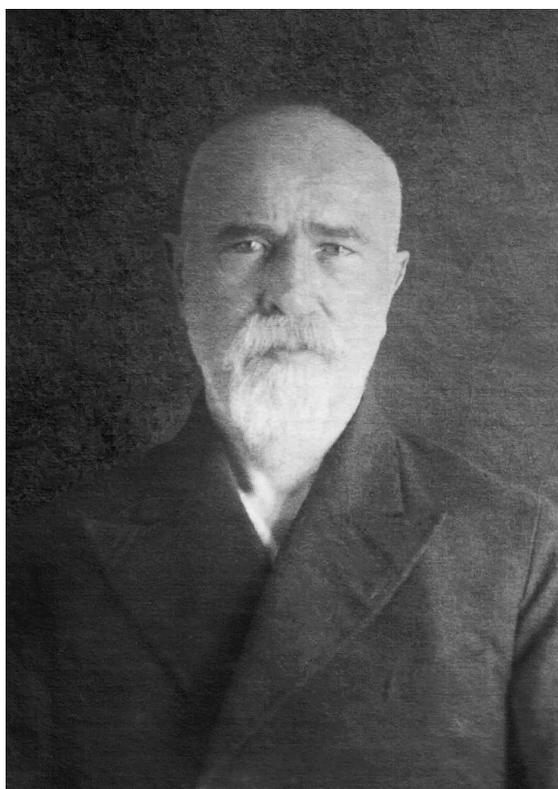
Отцу Виктору предъявили показания лжесвидетелей, в которых говорилось, будто он поручил им в день выборов отравить колодцы и выдал даже для этого яд. Один из лжесвидетелей показал, что священник приходил к нему на квартиру и брал у него и давал сам шпионские сообщения, предназначенные для епископа Георгия (Делиева). Ознакомив отца Виктора со лжесвидетельствами, начальник Бердянского НКВД потребовал, чтобы священник их подтвердил, но отец Виктор отказался. Последовала площадная ругань, и затем следователи беспощадно избили священника: били по лицу, по животу, по чему попало. Но поскольку это не подействовало, его стали допрашивать круглосуточно: следователи сменялись, а подследственный беспрестанно, в течение тринадцати суток допрашивался. Перерыв в допросах был сделан всего один раз на шесть часов.

Через месяц отец Виктор подписал против себя лжесвидетельства, и дело было отправлено на подпись прокурору. Тот, однако, нашел неудовлетворительным то, как велось дело, и неудачными показания обвиняемого, и материалы следствия были отправлены в вышестоящую инстанцию – в Москву, откуда пришел ответ, чтобы во всем разбирались на месте.

Снова начались допросы, во время которых были представлены лжесвидетельства, обвиняющие отца Виктора в антисоветской агитации. К очной ставке был привлечен отрешенный от сана священник, служивший ранее вместе с отцом Виктором в Покровской церкви. Он заявил, что протоиерей Виктор говорил ему, что колхозное строительство вредно и коллективное хозяйство губительно для крестьян, что отец Виктор назвал его «балдой» и «подхалимом» за то, что он отказался служить священником и перешел на советскую работу. Лжесвидетель показал также, что отец Виктор являлся руководителем всей приходской жизни, инициатором и руководителем собрания, устроенного после праздника Рождества в защиту храма. В заключение снявший с себя сан лжесвидетель дерзко и нагло сказал: «Пора, Виктор Михайлович, бросить заниматься этим и перейти на честный труд». В ответ отец Виктор назвал его «балдой», за что тут же получил десять суток карцера.

Собравшись с силами и увидев, какая беспощадно-жестокая и коварная машина работает на уничтожение его личности и всех плодов веры, которые были собраны им за предыдущую жизнь, отец Виктор занял твердую позицию, отказавшись от своей подписи под протоколами допросов с выдвинутыми против него обвинениями, и решительно отверг все, в чем его продолжали обвинять. Опасаясь обмана и подлога со стороны следователя, он 7 марта 1939 года письменно отказался от первоначальных показаний, выбитых у него следователем. А затем в письменном виде заявил, что не признает себя виновным: «Я даю правдивые показания, в антисоветской деятельности я себя виновным не признаю. Никогда антисоветской работы я не вел».

Следствие было закончено, в ожидании приговора все обвиняемые были отправлены в тюрьму в город Запорожье.

*Протоиерей Виктор Киранов.
Запорожская тюрьма. 1939 год*

Протоиерей Виктор писал из заключения близким: «Путь ко спасению проходит нормально, по указанию апостола Иакова – сперва страдания, затем терпение, а перенося их, приучаешься к смирению, которое, надеюсь, породит в будущем любовь и приведет ко спасению... Страдаю я, как вам известно, совершенно невинно юридически и фактически, так как перед государством и перед властью ни в чем не повинен, – весь город это может подтвердить... Перед Богом же виноват за многие и многие грехи, за что и несу это ужасное наказание как заслуженное. Карцер – отсюда только и просить Бога, чтобы простил меня, а я Его лишь благодарю за милость исправления этим путем. Всех вас прошу: да будет мир между вами во спасение ваше, а мне в утешение».

29 октября 1939 года тройка НКВД приговорила протоиерея Виктора к восьми годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, и он был отправлен в Новосибирскую область, откуда писал супруге: «Пишу наскоро... Прибыл к месту своего назначения. Ехал через Харьков, Сызрань, Новосибирск, Томск и Асино в ста верстах от Томска. Жив и здоров – работаю. Писать буду иметь возможность один раз в месяц... Чувствуется, что видеться больше не придется, а там что Бог даст...»

Обосновавшись в лагере, отец Виктор писал жене: «Мой адрес – с. Асино, Новосибирская область... Возле Асино лагерь трудоисправительный, где меня и воспитывают в этом направлении. Название лагеря показывает его назначение. Трудно, противно и обидно, но ничего не поделаешь. Принимали доброе, примем безропотно и плохое, заканчивать жизнь где-нибудь да нужно; слава Богу, что дал возможность искупить этим путем бесчисленные грехи пред Ним, тобою и семьей. Знаю конечно, что живется вам без меня трудновато, но помогать уже больше ничем не могу, так как нищий есмь... Одежи и белья пока не нужно – обстановка такова, что все это пустая трата. Старые летние туфли, ботинки и две цветных рубахи и брюки из какого-либо дрянного материала пришли к лету... о хорошем, и тем более белом и говорить нечего – не нужно безусловно, смешно и глупо. Живу среди оборванцев, несчастных стариков, и сам уже таков...»

«...Сперва ходил на лесозаготовки, пилить дрова, потом в овощехранилище перебирать гниль... а теперь дневальным в 8-м бараке, где проживают служащие, управленцы. Хожу в казенной одежде и в лаптях. Дежурю с 1 часа ночи до 7 утра, а днем уборка барака, доставка воды и дров... Словом, настоящий кухонный мужик...»

«...Мелитопольский кум тысячу раз прав, что я несу кару за грехи свои, и я бесконечно рад, что Бог хоть этим путем направил меня, величайшего грешника, на путь исправления и покаяния, но вообще, говоря объективно, он сказал старческую ерунду, или попросту глупость. Все наши праведники, достойнейшие пастыри несут наказание конечно за свои грехи, но наипаче же за людское невежество и благополучие сидящих на местах и мнящих о своих заслугах, которых никогда не было. Бог дождит на праведных и на злых, и солнышко греет тех и других, в горниле же правды Божией обнаружится, где золото и серебро и где солома и солома. Сам составитель литургии, сокращать которую так боятся, закончил жизнь не в мелитопольском храме, а в ссылке, хотя ничего не сокращал, а наоборот, созидал и составлял, чем мы и до сего времени пользуемся. Слава Богу за все!»

28 апреля 1940 года отец Виктор писал своим близким: «Я жив и здоров, первое по великой милости Иисуса Христа, а второе по той же милости,

возгреваемой – это я, безусловно, чувствую – ходатайством нашего заступника святителя Николая и молитвами – да, молитвами вашими, мои добрые, хорошие друзья. Жизнь моя протекает обычно, как жизнь всякого заключенного, – жизнь серенькая, жалкая, убогая, полная скорби, – скорбь моя о вас, милые мои, не покидает меня ни на минутку, и одиночество, ведь я здесь совершенно одинок... Всякие рассуждения по этому вопросу хотя бы и умных людей разбиваются как рыба об лед – лишь наше духовное общение, наша вера успокаивают эту глубокую, но пока еще не смертельную рану, а день сегодняшний идет со всеми его событиями, примиряет все обиды, наносимые людьми людям, – простим вся Его Воскресением... Вот это прощение и сознание полной невинности пред обществом, Родиной и правительством дают надежду в успокоении, в ожидании все же хорошего, справедливого конца – нашего вожделенного свидания при домашней семейной обстановке – буди, Господи, буди. Как хочется написать вам, все мои дорогие друзья, еще много-много теплых, хороших слов, но не знаешь, как их и изложить, – ну, словом, в настоящие святые минутки плачу, люблю, целую всех вас, понимаю вас – как, надеюсь, и вы меня понимаете – всеми фибрами своего существа. Вонми, Господи, нашему взаимному молению и в этот час, как жертву хваления, прими наше краткое взаимное восклицание: Христос воскрес! и ответное: Воистину воскрес!..»

Весной 1940 года протоиерей Виктор был отправлен в Темниковские лагеря, откуда написал родным: «Я по великой и незаслуженной милости Божией жив и здоров... За посылки очень и очень благодарен, но зачем же сразу две? Это пересол, убыточный и для вас, и для меня – хранить легко мало, а избыток не знаешь, куда и положить. Мало вы представляете условия моей жизни. В будущем придерживайтесь планомерности. Местность, в которой живу, называется Темники – это бывшая Саровская пустынь. О себе писать ничего не могу, скажу только, что вы все далеки от малейшего представления и бытовых условий, и внешнего моего вида, в каком я нахожусь. Сейчас взял у врача однодневный отдых – шалит сердце, и вот имею возможность черкнуть вам несколько слов, в остальные дни ночью ухожу на работу, ночью и прихожу, времени и условий для писания нет...»

1 ноября 1940 года отец Виктор написал: «Я жив и здоров, все это по великой милости Божией и за усердие ваших молитв, по заступничеству нашего покровителя святителя Николая. *Егда был еси юн, поясался еси сам и ходил еси, аможе хотел еси: егда же состареешися... ин тя пояшет и ведет, аможе не хоцеши.* Если перефразировать это на слово “писать”, то для вас должно быть понятным, – что могу я о себе писать? Да ничего, мы должны, находясь в таком положении, больше чувствовать, чем понимать... Все три посылки получил. Великое... спасибо с глубоким поклоном несчастного зека шлю вам, недостойный этого внимания. Примечание дружеское: посылать нужно то, что можно носить и хранить в кармане, – это сухари, колбаса, конфеты. Отломил, взял в карман и пошел на работу, и есть это непоказно...»

22 января 1941 года он писал родным: «Я после долгого времени работы на лесоповале, где страшно устал и оборвался, месяц был дневальным и хорошо отдохнул – сейчас зачислен в разряд актированных инвалидов 2-го разряда и нахожусь в 11-м лагпункте на работе в закрытом помещении – вязание сетей...»

Поздравляя супругу с тезоименитством, отец Виктор писал ей в феврале 1941 года: «Будь здорова, быть может, Господь сжалится над Своим плохим служителем и сподобит еще хоть немного пожить нам вместе в мире, радости и

взаимной любви. Как бы хотелось еще пожить вместе и, подводя итоги прошлой жизни, запереться от всего мира в свою хатку и безвыходно просидеть в ней до конца своей жизни, слушая твои милые, всегда добрые и ласковые разговоры молча, наслаждаться ими, попутно уплетая всегда опрятно и вкусно приготовленные и любимые мною кушанья. Это с одной стороны, а с другой – провести нам вместе остатки жизни в благочестии и молитвенном настроении, благодаря Бога за Его великие милости и награды во всю прошлую жизнь, и, наслаждаясь здоровьем и любовью своих милых, всегда нами любимых деток и внуков, быть их молитвенниками пред образом нашего покровителя, святителя Николая. Вот мои пожелания тебе, моя дорогая именинница, – да будет во всем воля Божия: пробави, Господи, милости Свои и впредь над недостойными, но любящими Тебя супругами.

Моим друзьям шлю свой привет и поздравление со вступлением в великие дни предстоящей Триоди. В воскресенье, 10 марта, помолимся вместе здоровую духовною молитвою, и я заочно разрешу вас от всех болезней, накопленных за период времени отсутствия врачевницы, а вы помолитесь за узника, всегда духовно пребывающего с вами...»

Через месяц отец Виктор написал родным: «...О свидании не хлопочу, потому что оно невозможно и не нужно. Сохраните все представление о мне по прежнему моему образу и сохраните его в своей памяти, а теперешний свой вид я унесу в могилу, о котором вы не будете иметь представления, – и хорошо. Свидание – это лишние слезы и ужас, да и ненужная затрата необходимых для вас средств. Если Господь не сподобит повидаться, да будет воля Его, а сподобит – поговорим и поплачем слезами радости. Активированных инвалидов за зону лагеря не выводят, и работают посильно лишь в зоне лагеря. Я ходил на работы за 3-7 километров. Что касается досрочного освобождения для таковых, то это фантазия, покоящаяся на огнепальном желании свободы, и только. На первую свою жалобу от марта 40-го года получил ответ, что оснований для пересмотра дела нет, а потому – без последствий... Ну, что Бог даст, чувство полной невиновности пред властью и государством позволит примириться со всеми страданиями...»

С началом Великой Отечественной войны положение заключенных резко ухудшилось; многие стали умирать, оставшись без поддержки родных, которые сами в это время оказались в бедственном положении. Протоиерей Виктор Киранов скончался в Темниковском лагере 30 марта 1942 года и был погребен в безвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Март». Тверь. 2006. С. 186-195